

ПОД НОВЫЙ ГОД

(сценарий)

Маклионова Никита Александровна

Опалиховская СОШ, 11 класс

Гремят стальные приборы, освещенные ярким белым светом спущенной лампы. Руки в голубых перчатках перебирают один за другим, пока наконец не находят нужный – тонкий скальпель, - а после осторожно обрабатывают его дезинфицирующим средством.

- Карманова, инструменты готовы?

- Сейчас.

Врач дезинфицирует кровотокающий участок руки у лежащей на операционном столе девушке, а после принимает скальпель у ассистентки. Глаза темно-карего цвета сощуриваются, ресницы чуть заметно вздрагивают – а рука делает первый надрез по краям кривой, глубокой раны, выравнивая поврежденные участки. Прибор жизнеобеспечения отдается стабильным, размеренным писком, и в тихой рабочей обстановке слышится вздох.

- Почему суицидники всегда под новый год активизируются.. И даже покончить с собой не могут, как следует.

- Оно ведь и к лучшему, разве нет?

Врач хмурит брови, протягивая руку для получения нужного прибора – и ассистентка вкладывает в её ладонь хирургический зажим, с равнодушием пожав плечами.

- Главное, чтобы после такого они не поступали на медицинский...

Ассистентка издает смешок, но врач даже не поворачивается. Аккуратными движениями она очищает участок от омертвевшей ткани и свернувшейся крови, пока лицо её расслабленно щурится с легкой улыбкой.

- Игла.

-Пожалуйста.

* * *

Полноватая женщина в черном платье машет руками и жалостливо всхлипывает, как только в коридор из-за тяжелой белой двери выходит врач.

- Боже, Господи, как она? Почему же, как же так...

По напрягшимся круглым щекам женщины черными разводами отпечатались тушь, ее искусанные толстые губы дрожали. Врач вздыхает, снимая с головы смятую шапочку и опуская маску.

- В порядке. Так ошибиться с местом пореза – чистая удача. По крайней мере, для вас.

У врача светлые, темнеющие у корней волосы, собранные в небрежный пучок, бледная кожа и уставшие глаза с темными следами недосыпов на нижних веках. Женщина поначалу с замешательством оглядывает лицо собеседницы, вскинув брови, а после ахает и пылко обнимает её, замотав головой. Врач морщится и отступает на шаг, неловко раскинув в стороны руки.

- Ах, что же это я! Как же я так, простите...

Отпрянув с постыдной дрожью, женщина не находит ничего лучше, как пожать врачу руку, а после накрыть ее и второй своей толстой ладонью.

- Спасибо, Бога ради... Всем сердцем благодарю вас, от всей души, спасибо... Как вас зовут? Мы будем молиться за вас, Богом клянусь, мы поставим свечку за ваше здоровье...

- Ашунтаева, – врач перебивает бормотание встревоженной женщины, с изнеможенной улыбкой кивнув ей головой. – Алла Валерьевна.

- Почему же наша девочка так?.. Все ведь было так хорошо, ничего ведь не происходило.... Неужели она вступила куда-то? Может, плохая компания? Не могла она сама, Алла Валерьевна, не могла...

- Неужели я похожа на психиатра? – Алла мягко усмехается, склонив голову в сторону, - Я

редко вижу мотивы по тому, с какой глубиной и формой раны работаю. Вы должны знать свою дочь гораздо лучше меня.

- Не знаю я ее! Совсем не знаю будто, не могла она такое сделать!

Глубоко из горла женщины вырвались низкие, прерывистые всхлипы, и она повесила голову, тяжело задрожав в плечах.

- Почему же вы так рыдаете, словно все уже потеряно? Она жива, и ей ничего не угрожает пока она находится под надзором - отчаяние в такие моменты бывает даже похуже предсмертного.

- Но как же я...

- ...Боюсь, это уже не совсем мое направление. У вас еще будет время спросить ее – теперь уж точно будет, просто будьте рядом. А теперь позвольте...

- Да, конечно... - растерянно шепчут ей в ответ, и Алла выпускает ладонь, тяжелым шагом возвращаясь в рабочий отсек здания. Женщина за ее спиной крестится, отвернувшись в сторону.

* * *

Дверь в темную палату приоткрывается, впустив свет из освещенного коридора, и Алла заходит внутрь, вслепую пройдясь ладонью по стенке в поисках выключателя. На кровати напротив кто-то дергается, и одеяло шуршит, сползая в сторону.

Звучит щелчок. Загорается свет.

Темноволосая девочка на кровати морщит глаза и накрывает лицо одеялом, стесненная вошедшим в комнату гостем.

- Извини, если помешала, но мне еще нужно проверить твое состояние. - Алла мягко снимает с рук потертые перчатки, приблизившись к кровати. - Я все равно рада видеть, что ты уже пришла в себя.

Девочка выглядывает из под одеяла, бросив колкий, чуть потерянный взгляд на врача напротив себя, и вдруг с напряжением морщит лоб.

- Зря вы меня вылечили.

Алла замирает, подняв настороженный взгляд на пациентку, а та прячет обернутую в бинты руку под одеяло. Ее брови хмурятся, а плечи вскидываются в напряжении.

- Я васне просила. У меня ведь почти получилось, если бы ты только не...

- Ты не умерла бы.

- Вам-то откуда знать!

- Я работаю в хирургии уже 15 лет, очевидно, что в чем то я да разбираюсь.

Девочка с пренебрежением фыркает и отползает в сторону, а Алла оголяет рукав своей руки, показав ее внутреннюю сторону с деловитым видом.

- Вот смотри, как тебя зовут?

- Не скажу.

- Ладно, как хочешь. По базе данных я все равно знаю, что ты Вика, просто хотела дать тебе шанс проявить вежливость.

Вика возмущенно хмыкает, сдавив пальцами одеяло, а Алла продолжает демонстрацию, пройдясь пальцами по коже своей руки и очертив ими линию примерно на 8 сантиметров выше запястья.

- Так вот, Вика, ты прошлась лезвием здесь, причем довольно усердно, но с местом ошиблась. Этот метод, кстати, далеко не так романтичен и прост, как тебе кажется, можешь почитать на досуге.

- Но это сработало бы! Я отключалась, и если бы не эта дурацкая больница...

- Думаю, ты потеряла сознание от боли или вида крови. Это довольно распространенная ситуация, нечего тут стыдиться.

- Нет, я была к этому готова!

- Но у раны очень кривое направление, судя по всему лезвие дрогнуло, и...

- Да какая разница!!

Вика кричит и подсакивает с постели, раздраженно тряхнув собранными в хвост волосами.

- Вы пришли мне читать лекцию по биологии, или что? Что мне толку от того, как и куда я там промахнулась?! Я могла бы покончить с этим всем, а вы взяли и все испортили! Мама от меня теперь вообще не отлипнет, а в школе все будут тыкать в меня пальцами и издеваться, будто мне раньше этого не хватало! Что вы вообще понимаете?

Алла молчит, наблюдая за тяжелым дыханием Вики, а после поднимается на ноги.

- Что я понимаю, да? Понимаю как минимум то, что ты ни капли не подготовилась к этому решению.

Ее руки тянутся к бинтам, и Вика раскрывает рот, чтобы вставить что-то возмущенное, однако прерывается на полуслове. Кинутого на нее холодного, серьезного взгляда Аллы хватило, чтобы передумать.

- Понимаю то, что игратья своими жизнями направо и налево не стоит. Знаешь, в чем дело? Смерть - штука ужасно надоедливая. Ты рискуешь, выходя в магазин за печеньем, рискуешь, решив навестить тетушку в соседнем доме, рискуешь даже разогревая себе суп в микроволновке. Она никак не отлипает, поджидая тебя на каждом углу и ожидая удобного случая, чтобы дать тебе пинка из-за угла.

Руки Аллы разворачивают взмокший от пары капель крови бинт, и Вика с тяжестью сглатывает, не сводя взгляда с аккуратного шва на своей коже.

- А жизнь - вещь настолько спонтанная и непонятная, что порой становится любопытно, как и за что тебе выпал шанс ее опробовать. Столько возможностей, столько встреч, столько мест и деталей, где у каждой букашечки и пылинки есть своя история. Разве это не здорово?

- Все так говорят, это только звучит красиво... - бубнит пристыжено Вика, сжав здоровую руку в кулак и сморщив нос

- А надо не слушать, а самой стараться замечать каждое это мгновение. Чем больше времени этому уделяешь, тем интереснее становится изучать что-либо, встречать новых людей.

- Ага, вот только все люди - сволочи...

- Ну во-первых, не все. А во-вторых, что от этого меняется?

Вика молчит, и Алла с мягкой улыбкой осматривает ее руку, осторожно проходясь пальцами по граням шва.

- С таким отношением совсем нелюдимо станешь. Что, неужели и котят с конфетами не любишь?

- А они-то тут причем...

Алла на секунду замирает, а после с усмешкой вздыхает, начав аккуратно оборачивать свежий бинт вокруг шва.

- Ладно, согласна, звучало слишком наивно. Но куда важнее то, что у тебя есть еще много вещей, которым многие позавидуют. Ты еще далека от той ситуации, когда кроме того, чтобы сдать, ничего и не остается. От плохих событий в жизни перестаешь видеть что-то хорошее, и возводишь свой негатив в абсолют. От такая любая мелочь кажется разрушающей - я проходила через это в свои двадцать, так что прекрасно понимаю.

Бинт закрепляется с внешней стороны руки, и Алла деловито отряхивает руки, кинув взгляд на поникшую Вику.

- Вы мой психиатр, что ли..?

- Ну что ты, я тот еще чайник в области психиатрии. Считай это дружеским советом. И небольшой передачей собственного опыта.

Вика сжимает губы, ее глаза начинают слезиться - но она отворачивается и жмурится, чтобы этого не было видно. Алла тактично молчит, отведя взгляд.

- А еще... Некоторые правда готовы позавидовать тому, как ловко ты можешь распоряжаться своей жизнью. Они бы все отдали за лишнюю пару минуток. В их случае жизнерадостные фразы не помогут.

Прикрыв глаза, Алла выпрямляется и сводит пальцы ладоней вместе.

Молчание длится недолго.

- ...Что ж, рана в порядке. Я не буду читать лекции, это совсем не моя работа. Добрых снов!

Встав в дверях, Алла неуверенно сжимает дверную ручку. Вика за ее спиной приподнимается и тихо шмыгает носом, втягивая голову в плечи.

- ...Почему вас вообще так это волновало? Вы ведь меня даже не знаете...

- Почему..?

Алла разворачивается к ней с теплой улыбкой, пожав плечами и открыв дверь.

- Просто так!

* * *

В квартире Аллы тесно, но уютно - от щелчка выключателя на стенах загораются миниатюрные лампочки, украшенные незатейливыми узорами. Алла проходит в комнату - уставшие после работы ноги окунаются в мягкий ковер с толстым ворсом. В углу квартиры стоит маленькая искусственная елочка, стены украшены гирляндами.

Звонит телефон. Алла берет трубку.

- Добрый вечер! Алла Валерьевна?

- Да, это я.

- Беспokoю вас из онкологического центра. Пришли результаты ваших анализов...

На обоих концах трубки повисает тревожная тишина....

- К сожалению, никаких улучшений. Лечение не помогло... Боюсь, мы бессильны...

Алла борется с подступавшим комком в горле.

- Сколько мне осталось? - спрашивает она и тут же досадливо морщится: ну что за фраза, как в плохом кино!

- Я не знаю... Никто не знает...

- Ясно. Спасибо.

- С наступающим, - торопливо и немного стыдливо говорит голос в трубке. После чего идут длинные гудки.

Алла подходит к окну. Идет пушистый снег. На здании напротив световое табло радостно возвещает, что до нового года осталось 11 дней.

(Никита Маклюнова, 2019 г.)